

ние третьей части его книги), он был бы самое большое *Volksdeutsche* — «этническим немцем» из-за рубежа, не варившимся в идеологическом котле кайзеровской Германии, не прошедшим на её стороне мировую войну. А это — второй сорт по сравнению с любым *Reichsdeutsche* — немцем из Германии, даже если тот «гимназиев не кончал».

Учился он в Риге, а затем в Москве — на инженера-строителя, окончил МВТУ — тогда ещё не имени Баумана — в 1917 (Ширер 1991 {1960}: 73) или 1918 году (ЭТР 1996), и тогда же стал фанатичным противником большевизма. Впрочем, для его облика как идеолога в высшей степени характерно, что в 1918 г. он подавал заявление в РКП(б), но не был принят, и слухи об этом эпизоде поддерживали его противники по партии (см.: Ширер 1991 {1960}: 73) ⁵. Не потому ли позже Розенберг так истерично демонстрировал «расовую» вражду к большевикам — чтобы не считаться среди нацистов «бифштеком», коричневым снаружи, но красным со стороны нутра? С другой стороны, оказавшись в 1918 г. в Ревеле, он попытался вступить добровольцем в германскую армию, но не был принят уже как «русский» (там же). Эти метания — явный след отсутствия определённости в ответе на сакраментальный вопрос «кто я такой?» — определённости, тоской по которой веет со многих страниц его главного сочинения.

По специальности он практически не работал. В конце 1918 г. вместе с отступавшими из России немецкими войсками Розенберг эмигрировал в Германию (Кон 1990: 165), застал там Ноябрьскую революцию и сразу же ушёл в политику и мистику, которых не различал. В нацистскую партию он вступил уже в 1919 г., практически с момента её основания — даже раньше Гитлера, которому немало помогал в том, чтобы оттеснить основателя партии Дрекслера и занять место председателя (1921). Вместе с другими членами оккультного антисемитского «Общества Туле» — поэтом Д. Эккартом, умершим от белой горячки в 1923 г. (Ширер 1991 {1960}: 62, сн.1), и Р. Гессом — он сыграл немалую роль в том, чтобы обратить Гитлера к политической активности. Как замечает Уильям Ширер (1991 {1960}: 127), многие «факты» для конструирования своей доктрины Гитлер получал из вторых рук — «скажем, слышал о них от такого бестолкового псевдофилософа, как Альфред Розенберг, или от своего друга, пьяного поэта Дитриха Эккарта...». В том же 1921 г. Розенберг стал главным редактором партийной газеты «*Völkischer Beobachter*» — «*Народный обозреватель*» (Kistler 1991: 3). В 1930 г. он стал депутатом рейхстага от НСДАП и представителем партии по вопросам внешней политики (НП VII: 452).

1.2. «Скиф и тевтонец — братья навек»

Выходец с национальной окраины Российской империи, он был свидетелем краха остзейских немцев. Двести лет они были вернейшей и излюбленной опорой русских царей: квалифицированные, педантичные, образованные, нередко — не берущие взятку, усвоившие кантовское понятие о чести (помните грибоедовского Репетилова: «тесть немец, а что проку?»), и в то же время — служащие именно царю, а не чужому отечеству. Точно так же как их коллеги на родине служили не Герма-

⁵ Информация любезно предоставлена профессором В. И. Боршевичем, которому автор выражает искреннюю благодарность.

нии, а тому из 36 князей ⁶, при дворе которого оказались волею карьерной судьбы. Кризис личной власти царя и кайзера, а затем и крах обеих империй сделал этих рыцарей *личного* долга никому не нужными. Уже при жизни Розенберга немецкий Дерпт превратился в русский Юрьев, а затем — в эстонский Тарту.

И в то же время, прекрасно зная русский язык и учась в Москве во время националистического угара, вызванного мировой войной, юный остзеец явно успел познакомиться с идеями русских черносотенцев, тем более что и после войны центром их эмиграции стал Берлин (либеральные эмигранты охотнее уезжали в Париж). Обмен идеями между националистами обеих стран был взаимным: в 1880-х гг. эпигоны тевтонофильства экспортировали в Россию теоретический антисемитизм, а в 1920-х гг. эпигоны славянофильства с лихвой вернули долг, вывезя в Германию «*Протоколы сионских мудрецов*» и идею тождественности большевизма с еврейством (Янов 1990: № 9, 149—150). Гремучая идеологическая смесь была создана усилиями теоретиков-«почвенников» двух соседних империй, вошедших в Новое время схожими путями: обе они встретили Великую французскую революцию самими отсталыми странами Европы, страдающими от своей отсталости, обе они мучились стремлением «показать» нечто новое этим зазнавшимся западным соседям. По словам немецкого историка Вальтера Лакера, теория антисемитизма, родившаяся в Германии в 1830-х годах, «обнаружила полную меру своей ядовитости только в России... Штекер, Алвардт стали подлинными отцами русских погромов» (цит. по: там же, 149). Тот же В. Лакер с документами в руках доказывал, что сама идея антибольшевизма была внушена Гитлеру русскими эмигрантами, искавшими метафизические причины своего сокрушительного поражения в революции и гражданской войне, но оказавшимися неспособными даже на обычный политический анализ событий (: 155).

В их числе был и Фёдор Викторович Винберг (1871—1927), сын русского артиллерийского генерала, «полубезумная, полууголовная личность» (Кон 1990: 101). До революции он был черносотенным журналистом, членом «*Союза русского народа*» и «*Союза Михаила архангела*». Как и Розенберг, в 1918 г. он покинул Россию с отступающими германскими войсками, взяв с собой книгу С. А. Нилуса (мистического писателя с явной тяжёлой психической патологией), включавшую «*Протоколы сионских мудрецов*». Вместе с Готфридом цур Бек (псевдоним Л. Мюллера) он издал немецкий перевод «*Протоколов*», положив тем самым начало нацистской вакханалии вокруг этой фальшивки. С Розенбергом Винберг был хорошо знаком, поставлял ему «факты» и оказал на него огромное влияние (Кон 1990: 100—102, 166—167).

Смесь обиды от утраты его этнической группой положения, к которому она привыкла и которое считала заслуженным, и чувства, что отныне человечество будет «квантоваться нациями» (А. И. Солженицын), сделала Розенберга тем, чем он стал: философом-националистом и в то же время фанатиком уходящего мира. «Для карьеры Розенберга немаловажным фактом оказалось то, что именно он впервые в 1923 г. назвал Гитлера “фюрером Германии”» (Колчинский 2007: 369). (Позже, уже перед судом, на вопрос Главного обвинителя от СССР Р. А. Руденко: «Вы были ближайшим сподвижником Гитлера в выполнении всех его планов и замыслов?» —

⁶ Это в XIX веке, а столетием раньше считалось, что в Германии столько княжеств, «сколько дней в году».

Розенберг почти закричит: «Нет, это не так. Это совершенно неверно»: НП V: 175; НП VII: 226). Но в рамках национализма он сам был «манкуртом» с неразборчивой латышско-эстонско-немецко-российской национальностью и воспринимал это как свою беду, загоняя себя тем самым в идеологический и нравственный тупик: ведь происхождение нельзя изменить, никто не родился по собственному выбору. Отсюда попытки такого человека спрятаться от неразрешимого (с точки зрения его теории) противоречия, заглушить его потоком громких слов и помпезных дел, а главное, влезть в чужую карету — стать бóльшим немцем, чем сами эти самодовольные *Reichsdeutsche*. Это сделало его готовым на всё из идейных соображений, но престижа даже среди соратников не прибавило.

Именно он вместе с другим беженцем из России — Шейбнер-Рихтером — в октябре 1923 г. подсказал Гитлеру план захвата баварских лидеров в заложники. Этот план был осуществлён 8 ноября того же года — в виде «пивного путча» (Ширер 1991 {1960}: 94—95). В тот день Розенберг вместе Герингом и другими «вождями» маршировал в первой колонне штурмовиков.

«Перед арестом в связи с “пивным путчем” Гитлер назначил Розенберга своим заместителем, хотя тот не пользовался популярностью среди нацистов: его считали “чернильной душой”, “бумажной крысой”. Но он был той фигурой, конкуренции со стороны которой Гитлер нисколько не опасался» (Рагинский 1986: 89).

После провала путча его позиции не улучшились. Уязвлённый новыми фигурами, появившимися в руководстве партии, он на время отошёл в сторону. Когда же Розенберг вместе с Людендорфом потребовал исключить из движения компрометирующих его членов — преступников и сексуальных извращенцев, — Гитлер публично заявил в передовице его же газеты от 26 февраля 1925 г.: «Я не считаю, что в задачу политического руководителя входит улучшение, а тем более перековка человеческого материала, которым он располагает» (см.: Ширер 1991 {1960}: 152). Проверка морального облика нацистов была доверена особой комиссии, обратившей это дело в фарс.

Явно разочаровавшись в своих способностях как руководителя массового движения, этот «тучный туповатый прибалт» начал «выпускать одну за другой весьма путаные по содержанию и форме книги и брошюры. Апогеем его сочинительства явился 700-страничный труд, озаглавленный “Миф двадцатого века”. Книга эта являла собой нелепое нагромождение незрелых идей о превосходстве нордической расы — идей, выдававшихся в нацистских кругах за учёность» (Ширер 1991 {1960}: 181—182).

1.3. «Партийный философ»

*Раз архитектор с птичницей спознался,
И что ж? — в их детище смешались две натуры:
Сын архитектора — он строить покушался,
Потомок птичницы — он строил только «куры».*

Козьма Прутков. Эпиграмма №II

Положение Розенберга не улучшилось и после 1933 года, когда он вошёл в верхушку новой власти. Больше того, «к моменту прихода партии к власти Розенберг уже начал терять в ней влияние» (Кон 1990: 166). В 1938 г. он после отставки К. фон Нейрата метил в министры иностранных дел и был очень обижен, когда этот